

Прошло ещё несколько дней, которые Инь Шоу провёл в праздности, откровенно забывая на государственные дела. Но тишину нарушило экстренное донесение: Шэнь Гунбао повёл тридцатитысячное войско против сил Цзян Цзыя и потерпел сокрушительное поражение — армия была разбита в пух и прах. Чжан Куэй, оборонявший уезд Мянчи, молил о подкреплении.

Инь Шоу оказался в тупике. Пошлешь войска — верная гибель. Не пошлешь — финал тот же. Смертью раньше, смертью позже... Так посылать или всё же не посылать?

В итоге он решил выслушать мнение сановников. Честно говоря, ему просто до смерти приелось сидеть в четырёх стенах гарема, и он счёл, что пришло время навестить зал собраний.

Фэй Лянь, прозванный за быстроножесть «Сверкающей молнией», пулей разнёс весть о созыве совета. Придворные были не на шутку ошарашены. Казалось, солнце сегодня встало на западе: Великий Ван внезапно вспомнил о своих обязанностях! Но когда до них дошли слухи о Чжан Куэе, запертом в Мянчи, всё встало на свои места.

Восседая на троне, Инь Шоу оглядывал собравшихся. Среди тех, кто остался во дворце, преданных слуг не было и в помине. Либо льстецы и коварные интриганы, либо бесхребетные «флюгеры», привыкшие плыть по течению и спасать собственные шкуры. Он не питал иллюзий: дельного совета от этой компании не дождётся.

Но даже понимая, что перед ним гнилое дерево, из которого не вырезать опору, он всё же хотел их выслушать. Ему было чертовски одиноко. К тому же среди чиновников нашлась парочка симпатичных молодых лиц — на них было приятно смотреть, пока те держали рот на замке.

— Ну, господа, — обратился к ним Инь Шоу, — что скажете по этому поводу?

Коварный Фэй Чжун, чья голова всегда была полна хитрых планов, первым выступил вперёд:

— Великий Ван, смиренно полагаю, что подкрепление нужно выслать немедленно! Мянчи — наш оплот. Если уезд падет, путь к Хуанхэ будет открыт. Потеряем реку — лишимся последней природной преграды, и тогда Чаогэ конец!

«А если Чаогэ конец, то и моей роскошной жизни конец!» — это Фэй Чжун, разумеется, оставил при себе. Паразиты империи меньше всего желали краха государства; им нужно было, чтобы оно стояло вечно, позволяя им сосать из него соки и наслаждаться высокими чинами, пока казна окончательно не опустеет.

Инь Шоу помнил историю. Некогда замученный Чжоу-ваном Сибо-хоу вернулся в Сици и поднял мятеж. Его праведное войско неумолимо продвигалось на восток, сметая всё на своём пути. После смерти отца дело продолжил второй сын, Цзи Фа. Ведя за собой восемьсот

удельных князей, он поклялся покарать тирана, и народные симпатии были явно на его стороне. На фоне мудрых правителей Чжоу деяния прежнего Чжоу-вана выглядели так, будто он сам напрашивался на гнев небес.

Выслушав Фэй Чжуна, Инь Шоу кивнул и обвёл взглядом остальных:

— Есть другие мнения?

Возражать никто не осмелился. Кое-кто подумывал о мирных переговорах, но враг был слишком напорист — чтобы договариваться, нужно было иметь хоть какую-то силу за спиной. Так что всё снова сводилось к отправке войск.

Инь Шоу не забывал о своей главной задаче — двигать вперёд исторический процесс. Раз история требовала битвы, а персонаж — решительности, проще всего было последовать совету льстецов. Войска отправятся, но сражаться-то не ему. Чжан Куэй — доблестный воин, и если ему нужны люди, он их получит.

В итоге Ван приказал собрать все доступные резервы и направил в Мянчи двадцатитысячную армию.

«Брат, я сделал всё, что мог, — подумал Инь Шоу. — Если не сдюжишь — просто сдавайся».

Впрочем, мысль о капитуляции заставила его помрачнеть. Если армия Сици без сопротивления дойдёт до столицы, а Чжоу-ван погибнет раньше срока, весь сюжет пойдёт прахом. А вдруг он из-за этого не сможет вернуться домой?

«Нельзя сдаваться, — решил он. — Если я буду строго придерживаться сценария, то в финале меня, глядишь, снова жажнет молнией и выкинет прямиком в двадцать первый век... Когда меняются эпохи, всегда открываются какие-нибудь пространственные дыры. Буду примерным актёром, и, может, небеса смилостивятся и отпустят меня обратно».

Что же касается Чжан Куэя, то Инь Шоу знал: этот генерал скорее выберет смерть, чем позорный плен.

Разобравшись с государственными делами, Ван почувствовал, что интерес к политике иссяк. Он снова скрылся в глубинах внутреннего дворца.

***

Императорский сад

Синьюэ Ху после той памятной «случайной встречи» в саду приходил туда каждую ночь. В его

сердце теплилась надежда на романтическое свидание под луной и укрепление их странной связи.

Но Инь Шоу больше не появлялся.

После той ночи Ван пребывал в тихом ужасе, а его сердце при каждом шорохе пускалось в галоп. Девятихвостый лис в его представлении перестал быть милым зверьком — теперь это был опасный демон. Раз в саду обитает нечисть, значит, место это проклятое, и соваться туда в полночь — форменное самоубийство. Пока он пребывал в счастливом неведении, ещё мог храбриться, но, столкнувшись с реальностью, Инь Шоу окончательно струхнул. Он предпочитал ворочаться с боку на бок в своей спальне до самого рассвета, чем вновь пережить подобную встречу.

Прождав несколько ночей впустую, Синьюэ Ху заскучал. Раз Инь Шоу не шёл к нему, он решил сам навестить Вана.

Личные покои Чжоу-вана

Инь Шоу спал без задних ног. Изматывающая подготовка к отправке войск Чжан Куэя изрядно подкосила его силы, и едва голова коснулась подушки, он провалился в глубокий сон.

Струйка сизого дыма просочилась в покои и мягко опустилась на пол, обратившись белым девятихвостым лисом. В лунном свете его мех сиял серебром. Ступая неслышно, едва касаясь когтями ковра, лис направился к ложу. Инь Шоу мирно посапывал, не подозревая о незваном госте.

Зверь замер у кровати, его роскошные хвосты плавно колыхались, создавая почти гипнотический узор. Лис склонил голову, свысока глядя на спящего. За тонким шелком балдахина черты лица Вана казались размытыми. Демон принял человеческий облик: алые губы, бледная кожа, лисьи глаза, полные невыразимого очарования... Истинный небожитель, сошедший с картин. Он изящно отодвинул занавесь, обнажая мужественный лик спящего правителя.

«Великий Ван...» — безмолвно позвал Синьюэ Ху.

Словно в ответ, Инь Шоу невнятно хмыкнул во сне. Лис вздрогнул, он впился взглядом в лицо мужчины, но тот не проснулся. Демон облегчённо выдохнул.

Он не спешил уходить. Пока Ван спал, Синьюэ Ху мог наконец побыть рядом. Он присел на край постели, вглядываясь в черты Инь Шоу. Его мучил вопрос: почему тот так внезапно охладел? Что он, лис, сделал не так? Чем вызвал это странное неприятие и неприязнь? Раз за разом прокручивая их встречи, Синьюэ Ху понимал одно: он совершенно перестал понимать этого человека.

Чжоу-ван изменился. Но в чём именно заключалась эта перемена, лис сформулировать не мог. Ему и в голову не приходило, что в теле императора поселилась совсем другая душа.

Раньше мысли Вана были как на ладони. Он обожал Дацзи, и любая просьба исполнялась по щелчку пальцев. Но теперь... Его мотивы стали туманными, к Дацзи он не притрагивался, а шептать ему на ухо слова любви было невозможно — он просто не подпускал к себе никого.

Синьюэ Ху чувствовал себя в тупике. Он не мог подобраться к Вану ни в облике наложницы, ни в обличье лиса. Самое обидное, что у императора не появилось других фавориток — он вообще ни с кем не сближался. Если бы соперница была, лис бы знал, что делать, а так... Очаровать его? В последний раз на башне Лутай Техника очарования просто дала осечку.

Демон подался ближе, рассматривая красивое лицо Инь Шоу. Проснись сейчас Ван и увидел бы этот пристальный взгляд, он бы точно расстался с душой от испуга. Но Инь Шоу, измотанный дневными заботами, спал мертвецким сном.

Синьюэ Ху смотрел на него долго, пытаясь разгадать эту загадку, но в конце концов распрямылся. Его жгло раздражение.

«О чём ты думаешь? Почему отвернулся от Дацзи?» — в бессильной злобе он едва не желал вырвать это сердце, чтобы посмотреть, что внутри.

Наконец, признав поражение, лис поднялся, снова обратился дымом и растаял в ночном воздухе.

На следующее утро Инь Шоу по привычке посидел на кровати, тупо глядя в одну точку, прежде чем позвать слуг для умывания.

Прошёл месяц. Как бы он ни сопротивлялся, привычка брала своё. Инь Шоу начал воспринимать роль Чжоу-вана как новую работу. Месяц испытательного срока подошёл к концу — пора было вступать в должность по-настоящему.

Подводя итоги «стажировки», он пришёл к выводу, что за всё время сделал лишь одно полезное дело — помог Чжан Куэю войсками. Инь Шоу чувствовал, что так продолжаться не может.

«Раз уж я пользуюсь благами этого положения, — рассуждал он, — надо хоть что-то делать для людей».

Он не надеялся обелить репутацию тирана или стать великим мудрецом, но совершить несколько добрых поступков ему было вполне по силам. Совесть, не привыкшая к безделью, начала покусывать его. Инь Шоу был из тех людей, кто не может сидеть сложа руки — праздность сводила его с ума. Он чувствовал, что если не займётся чем-то стоящим, то точно

СВИХНѢТСЯ.

<http://bllate.org/book/17393/1657071>